

С. И. Гаврюшин

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА И ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ

В последнее время в исторической литературе появилось много статей, посвященных членам семьи Романовых, что можно объяснить длительным «табу» на эту тему, связанную с жестким идеологическим монизмом советского периода. Однако среди императоров и императриц династии Романовых личность и благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I и матери двух императоров первой половины XIX в. (Александра I и Николая I), еще ждет своего исследователя. В настоящей статье предпринята попытка на основе многочисленных источников, ставших библиографической редкостью, воссоздать исторический портрет Марии Федоровны, много сделавшей для создания системы государственного призрения в России.

Принцесса София Доротея Августа Луиза Вюртембергская родилась 14 октября 1759 г. в городе Штеттин в семье принца Фридриха-Евгения и племянницы короля Фридриха II, принцессы Фредерики-Доротеи. Девочка получила хорошее по тем временам образование в духе просвещенного абсолютизма. Характерно, что помимо изучения французского языка, арифметики, истории и географии, обучения танцам и игре на музыкальных инструментах, принцесса достигла большого мастерства в резьбе по кости и дереву.

Когда девочке исполнилось 8 лет (1767 г.), Екатерина II обратила на неё пристальное внимание как на будущую жену цесаревича Павла. Спустя четыре года, в 1771 г., императрица впервые выразила желание привести принцессу в Россию. Однако по политическим соображениям Павел Петрович женился на Гессен-Дармштадской принцессе Вильгемине, получившей после крещения имя Натальи Алексеевны. В 1775 г., когда Софии-Доротее исполнилось 16 лет, она была объявлена невестой принца Гессен-Дармштадского. Однако внезапная смерть супруги Павла Петровича, в апреле 1776 г., круто изменила жизнь Софии-Доротеи.

Екатерина II торопила сына с новой женитьбой. Через два месяца после смерти Натальи Алексеевны она отправила Павла в Берлин. При активном посредничестве короля Пруссии Фридриха произошло сватовство наследника российского престола к Софии-Доротее. Один из биографов Павла писал, что «как и следовало ожидать, та, которую назначили ему в супруги, полюбилась великому князю, очарованному её красотой и грацией и который, сверх того, был восхищен почестями, окружавшими его во владениях Фридриха и к которым он не был приучен на родине» [8, с. 141].

Сам Павел в письме к матери 11 июля 1776 г. писал, что «нашел свою невесту такову, какову только желать мысленно себе мог... Мой выбор сделан... Что же касается до сердца ея, то имеет она его весьма чувствительное и нежное...» [13, с. 98].

Приготовления к новой женитьбе происходили стремительно. 14 августа Павел Петрович приехал из путешествия в Царское Село; уже в конце месяца сюда же прибыла невеста; 14 сентября по принятии православного крещения она получила имя Мария Федоровна; на следующий день состоялось обручение; 26 сентября — бракосочетание.

Невеста совсем не знала Россию и очень плохо была осведомлена о сложном характере своего супруга. Павел, душевно травмированный неверностью своей первой супруги с Андреем Разумовским, предпочел не полагаться более на судьбу и составил целый свод правил поведения для Марии Федоровны. Документ был написан по-французски; в XIX в. его перевел на русский язык самый крупный биограф Марии Федоровны — Е. С. Шумигорский. В 14 пунктах «инструкции» супругом составлены подробные наставления новобрачной относительно религии, русского языка, народа, круга общения, личного штата и прислуги, денежного содержания, гардероба и т. д. Любопытен пункт третий, в котором Павел Петрович «касается желательного её обращения со мною», а именно: «ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость».

В пункте пятом, который «касается нашего народа», будущий император полагал, что «наш народ любит приветливое обращение, но излишней любезностью можно навлечь на себя и неприятности, ибо в таком случае люди имеют обыкновение тотчас являться с жалобами, справедливыми или нет, которые у них всегда наготове. Если Вы станете принимать их, то будете завалены ими... Поэтому в подобных случаях лучше всего отсылать и самих людей и их дела в надлежащие ведомства, но не входя с ними в докучливые объяснения» [14, с. 251–260].

К радости великого князя его вторая жена не была похожа на властную и резкую в суждениях Наталью Алексеевну. Мягкие черты лица, плавность движений, скромность, аккуратность, сентиментальность, верность мужу, забота о детях, простота помыслов и обыденность женских интересов, ограниченных устройством домашнего гнезда, — такой запомнилась Мария Федоровна её современникам.

Французский посланник в Петербурге барон де Корберон в своей депеше Людовика XVI отмечал полную бесперспективность использования в дипломатических целях давления на великую княгиню: «Её ум и характер не соответствуют её сану. Тесный круг её понятий всегда будет удерживать её в пределах домашнего очага... Вюртембергская принцесса, великая княгиня, даже если она будет императрицей, всё равно останется не более чем женщиной» [цит. по: 19, с. 101–102]. Опытный дипломат, может быть сам того не ведая, подметил одну точную закономерность: пассионарные, активные в политическом отношении женщины более не будут появляться в семье Романовых; эпоха дворцовых переворотов ушла в прошлое, на пороге была эпоха великих потрясений, идущая из Франции.

Однако внимательный анализ мемуарной литературы позволяет сделать вывод, что Мария Федоровна вряд ли похожа на безропотную женщину: ей присущи энергия и организаторские способности, умение в малом видеть определённые тенденции. Все эти черты её личности проявятся позднее, пока же неуравновешенный деспотический характер мужа, частые беременности и

роды поглощали всё время великой княгини. За двадцать пять лет супружеской жизни Мария Федоровна подарила дому Романовых десять порфирородных детей: Александра, Константина, Александру, Елену, Марию, Екатерину, Ольгу, Анну, Николая и Михаила. Императрица считала, что выбрала для сына хорошую жену: «право, сударыня, ты мастерица детей на свет производить» [16, с. 166]. Екатерина II неплохо относилась к невестке, но её сложные отношения с сыном омрачали супружескую жизнь Марии Федоровны. Так, во время русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) Павел решил отправиться на театр военных действий и написал семь завещаний, переданных жене, — три на случай, если он погибнет, и четыре — на тот случай, если во время его отсутствия умрет Екатерина II. Наиболее интересен для исследователей личности и царствования Павла I седьмой документ, который назывался «Государственная реформа (На всякий случай)». Во введении говорится, что «Предмет каждого общества — блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели» [1, с. 316–322]. В 33 пунктах завещания содержится программа преобразований, составленная в духе «просвещенного абсолютизма»; основное внимание уделено реформам исполнительной власти, сословной политике, народному образованию, вопросам внутренней и внешней безопасности государства. Екатерина не пустила сына в Крым под предлогом беременности его жены. Молодая чета осталась на положении «домашних узников» в Гатчине, а Павел Петрович был надежно отстранен от участия в государственных делах. В Гатчине и Павловске шла обособленная от Царского Села и от Петербурга жизнь. При «малом дворе» были свой уклад, свой ритуал, свои фавориты, своя армия, состоявшая под командованием цесаревича, устроенная по прусскому образцу. Старшие сыновья Александр и Константин, фактически «узурпированные» бабушкой-императрицей, с детских лет вынуждены были жить, по выражению князя Чарторыйского, «на два ума», поминутно контролируя свои слова. «Императрица, — писал А. Чарторыйский, — не сумела ни овладеть воображением своих внуков, ни занять их какой-то работой, ни разнообразить их время. Отцу их это удалось, что было большим злом, имевшим печальные последствия. Молодые великие князья считали себя в глубине души, и вполне согласно с действительностью, в гораздо большей степени чинами так называемой гатчинской, нежели русской армии» [9, с. 96].

Помимо вынужденной разлуки с первенцами, Мария Федоровна не безосновательно страдала от ревности к фрейлинам «малого двора». Камергер и сенатор Ф. Н. Голицын писал впоследствии, что «нежность и любовь между великим князем и его супругою были совершенными. Невозможно, кажется, пребывать в сожитии и согласии, как они долгое время пребывали» [4, с. 279]. Одно смущало их ровную привязанность друг к другу — хорошенькие фрейлины. Фрейлины-фаворитки сменяли друг друга, но одна в течение 15 лет постоянно оказывала влияние на Павла — Е. И. Нелидова, ставшая фрейлиной при дворе Павла по повелению Екатерины II в 1776 г., после выпуска из Института благородных девиц при Смольном монастыре. Фрейлина Марии Федоровны, М. С. Муханова, утверждает, что великая княгиня, доведённая до отчаяния, жаловалась на Е. Нелидову императрице, и та, будто бы, подведя невестку к зеркалу, утешала её: «Посмотри какая ты красавица! А соперница твоя — *petit monstre*» [7, с. 308]. Однако «маленький урод», не блистая красотой, имела тонкий ум, своеобразное очарование и темперамент, прочно привязав к себе помыслы Павла Петровича. В условиях, когда речь шла о

выживании при дворе, Мария Федоровна проявила житейскую мудрость и редкое самообладание, идя на союз с соперницей по тактическим соображениям.

После того, как Павел стал императором, по свидетельству современницы, «между Марией Федоровной и Е. И. Нелидовой установилось самое полное взаимопонимание. Этим союзом с новой подругой императрица укрепляла свое влияние, и обе они стали вмешиваться во все придворные назначения и поддерживали друг друга. Этот союз был для всех удивителен, пока не стало ясно, что он основывается на личном интересе: без Нелидовой императрица не могла рассчитывать на какое-либо влияние на своего супруга... Точно так же и Нелидова без императрицы, в стремлении своем соблюдать приличия, не могла бы играть при дворе той роли, которую желала, и нуждалась в расположении Марии Федоровны, бывшим как бы щитом для её репутации» [5, с. 199]. Заметим, что неприязненный тон мемуаристики явно предвзят, что объясняется личным восприятием фрейлины В. Н. Головиной двух высокопоставленных женщин.

В январе 1789 г. императрица родила своего последнего ребенка — сына Михаила. Фрейлина В. Н. Головина в своих воспоминаниях пишет, что «роды императрицы были тяжелы, но не опасны. Так как тогда она лишилась своего постоянного акушера, то пригласила акушера из Берлина. Этот господин, подкупленный, вероятно, тем, кто желал подорвать кредит императрицы и Нелидовой, а именно Кутайсовым, объявил государю, что не отвечает за жизнь императрицы, в случае еще одних родов. Это сделалось в течение года источником всевозможных интриг» [там же]. Утратив близость супружескую, Мария Федоровна все более отдалялась от мужа и в духовном общении. В начале 1801 г. Павел I приказал арестовать более двух десятков вельмож, которых подозревал в оппозиционных и заговорщицких настроениях, затем стал откровенно высказывать угрозы в адрес своей жены и старшего сына Александра. Он вызвал в Петербург попавших в опалу своих любимцев — бывшего военного губернатора столицы Линдера и Аракчеева, намереваясь отвести им ведущую роль в захвате и заточении членов своей семьи. В беседах с обер-гофмейстером двора графом Кутайсовым император делился своими планами по поводу ссылки Марии Федоровны в Холмогоры, заточения Александра в Шлиссельбургскую, Константина в Петропавловскую крепости. Графу Палену, военному губернатору Петербурга, как главному заговорщику, был уготован эшафот [15, с. 45–46]. В. Н. Головина в своих воспоминаниях говорит об удивительном самообладании Марии Федоровны после кончины мужа. «Императрица-мать прибыла в Зимний дворец несколькими числами позже своих детей. Свидание с ней Александра было раздирающим душу. По-видимому, государь гораздо более отчаивался, чем его мать. Невозможно было смотреть на него без содрогания. Восемь или десять дней спустя по смерти императора Павла, получили известие о кончине эрцгерцогини, великой княгини Александры Павловны, умершей первыми родами. Столько несчастий должны были бы сразить императрицу-мать или, по крайней мере, заставить её позабыть на время обо всем, не относящемся к её горю. Вместо этого, ещё император Павел не был погребён, а она уже распоряжалась обо всем необходимом в подобных случаях...» [5, с. 237]. Свою нерастрченную энергию Мария Федоровна направила в нужное русло, активно занявшись реорганизацией системы благотворительных учреждений, что принесло ей

посмертную славу. Поэт Г. Р. Державин в оде «К портрету вдовствующей императрицы» писал, что «щедрот богиню в ней свою Россия знает, а сироты — их мать».

Начало благотворительной деятельности Марии Федоровны относится к 1796 г., когда 12 ноября императрица указом Павла I получила руководство над Воспитательным обществом благородных девиц. 2 мая 1797 г. Мария Федоровна приняла на себя управление двумя воспитательными домами, Сохранной и Ссудной казной и коммерческим учреждением. Мария Федоровна обнаружила уже в первый период своей деятельности на поприще государственного призрения незаурядные организаторские способности. Она сумела привлечь к работе в своём ведомстве энергичных, знающих и богатых людей. За счет Ссудной и Сохранной казны и частных пожертвований воспитательные дома приобрели прямое финансовое обеспечение. В связи с этим многие благотворительные учреждения, находясь в затруднительном материальном положении, обращались с просьбой принять их в ведомство Марии Федоровны. Постепенно оно превратилось в особую отрасль социального обеспечения, решавшую также вопросы сословного образования и здравоохранения.

Получив в 1797 г. воспитательные дома и Воспитательное общество благородных девиц в довольно плачевном состоянии, Мария Федоровна прежде всего составила новый план приёма и обучения детей в них. Изменения касались числа воспитанниц Смольного института (300 дворянских девочек вместо 200) и повышения возрастного ценза для их приёма (с 8–9, а не с 6 лет), а также сокращения сроков обучения (9, а не 12 лет). В Мещанское училище при Воспитательном обществе для благородных девиц девочки из мещанского сословия принимались с 11 лет и обучались 6 лет. Общее количество воспитанниц составляло 200 человек [20, с. 14]. Мария Федоровна пришла к выводу, что целесообразно будет также принимать определённое число приходящих пансионеров с оплатой 503 рубля в год для дворянок и 203 рубля для мещанок.

Уже на следующий день после указа Павла I о передаче под патронат императрицы Воспитательного общества благородных девиц Мария Федоровна пожаловала ему из собственных средств 15 тыс. рублей; она убедила женщин императорской фамилии внести крупные пожертвования: великие княгини вносили по 4–6 тыс. рублей; великие княжны по 3 тыс. рублей. Из этих средств и был создан первоначальный капитал общества, так называемая кассовая сумма. К 1 января 1829 г. он составил 1 289 315 рублей [2, с. 6]. Мария Федоровна добилась от императора оплаты долгов общества (73 215 руб. 68,5 коп.) из государственного казначейства и ежегодной субсидии в 22 тыс. рублей к средствам общества. Сеть учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны быстро росла. В 1797 г. к двум учебным заведениям общества добавились училище для бедных сирот из детей ремесленников и мещан на 50 человек (Мариинский институт) и родильный госпиталь для неимущих женщин на 20 коек. В сентябре 1797 г. при госпитале был образован институт повивальных бабок; 22 его ученицы содержались на полном пансионе, кроме того здесь обучались и приходящие курсистки. 1 июня 1798 г. в Петербурге был открыт Институт Ордена Святой Екатерины для дочерей бедных дворян и чиновников. В октябре 1802 г. в Гатчине учреждён дом призрения на 80 человек из бедных людей императорских вотчин. В феврале

1803 г. Институт Ордена Святой Екатерины был открыт и в Москве. На его устройство Мария Федоровна выделила 17 тыс. рублей из собственных средств для покупки дома с садом. 30 тыс. рублей на постройку самого дома она получила от Александра I. 1 февраля 1803 г. император издал указ об учреждении Мариинских больниц для бедных и двух вдовьих домов — в Москве и Петербурге.

В начале 1804 г. Мария Федоровна представила на утверждение императора свой проект организации пяти женских училищ по образцу Екатерининского института. 18 января 1804 г. Александр I утвердил проект, а уже 22 января началось строительство дома для первого из них в Москве. Спустя три года, в 1807 г. было основано Девичье училище Военно-сиротского дома, получившее название Павловского института. В декабре того же года Мещанское училище в Москве было переименовано в Александровское в связи с тем, что, как свидетельствуют сенатские донесения, название училища Мещанское «удаляет не только чиновников, художников и духовенство, даже купцов от помещения туда дочерей своих» [2, с. 28–29].

Мария Федоровна много внимания и сил отдала благоустройству воспитательных домов в столице. К моменту передачи их под её патронат (май 1797 г.), основанные в 1796 г., эти учреждения находились в состоянии полного запустения. С целью улучшения положения воспитательных домов императрица учредила Опекунский совет из видных вельмож. Она собственноручно написала инструкцию об их деятельности; перевела из Государственного банка часть собственных средств.

Результат превзошел ожидания. «Во всех частях явилась новая жизнь, и — что кажется почти невероятным — менее, нежели в один год, на месте прежнего расстройтва, оказались порядок, единство и согласие» [20, с. 20]. В 1797 г. капитал обоих домов не превышал 16 млн рублей. К концу 1829 г. он составлял уже 623 млн рублей [20, с. 26]. Немалую роль в улучшении санитарно-гигиенических условий воспитательных домов сыграло распоряжение вдовствующей императрицы об отпуске из её личных средств ежегодной дотации в 9 тыс. рублей, предназначенной на содержание штата кормилиц в воспитательных домах. Мария Федоровна положила начало введению патроната в России. Обратив внимание на высокий процент смертности младенцев в воспитательных домах и большую стоимость их содержания, она решила разместить часть младенцев по деревням в крестьянские семьи за плату. Для управления системой патроната была учреждена Земская экспедиция. Санкт-Петербургская губерния была разделена на 15 округов, и в каждом из них была организована детская больница для воспитанников, отданных на патронат. Врачи больниц и особые чиновники (комиссары) обязаны были периодически объезжать деревни и осматривать питомцев [20, с. 29].

Введение патроната позволило, во-первых, увеличить общее количество питомцев воспитательных домов; во-вторых, резко понизило смертность детей первого года жизни в них. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие цифры. В конце 1828 г. в Петербургском воспитательном доме было 22 206 детей, в Московском — 23 820 (всего 46 026 детей) [20, с. 30]. В 1828 г. из 10 524 детей, воспитывающихся в воспитательных домах и отданных на патронат, умерли 3 039 (из них 1742 грудных младенца до 2 лет, отданных на вскармливание в крестьянские семьи) [20, с. 31]. То есть смертность среди

детей составила менее одной трети. Для первой четверти XIX в. это являлось хорошими показателями. Для сравнения можно привести аналогичные данные по Франции за 1831 г. (каждый четвертый младенец в стране умирал на первом году жизни и одна треть не доживала до двухлетнего возраста).

Проанализировав ситуацию с числом подкидышей, Мария Федоровна выяснила, что довольно много их поступало от матерей, состоящих в браке, но из-за крайней бедности, бывших не в состоянии прокормить еще одного ребенка. С целью предотвращения поступления младенцев из бедных семей в воспитательные дома в 1805 г. она выделила для содержания каждого из них сумму в 120 рублей в год для воспитания их в семье до семилетнего возраста, с последующей передачей их в воспитательные дома для получения образования [20, с. 32]. Было замечено, что большое количество подкидышей замерзали на улицах до их поступления в воспитательные дома. В холодное время года, с целью предотвращения замерзания младенцев, по инициативе Марии Федоровны, с 1809 года в отдельных районах Петербурга и Москвы были созданы особые приемные, в которые приносились подкидыши, а уже из них, тепло одетые, они доставлялись в воспитательные дома специально нанимаемыми для этой цели женщинами.

Построенные более тридцати лет назад, воспитательные дома обветшали, стали тесны для всё возрастающего числа питомцев. Императрица убедила Павла I купить дом графа Разумовского с большим садом и подарить его Петербургскому воспитательному дому. Вскоре на средства, поступившие в воспитательный дом, был приобретен еще и стоящий рядом особняк графа Бобринского с садом. Результаты территориального приращения значительно улучшили санитарно-гигиенические условия содержания воспитанников и штата заведения. Общая площадь центрального здания составила 26 325 кв. саженей, не считая других зданий, расположенных в разных частях города [20, с. 34].

В 1802 году Мария Федоровна учредила ещё один воспитательный дом близ своей резиденции в Гатчине, в котором могло содержаться 600 воспитанников. В него помещались дети, отданные на патронат с семи лет; это учреждение играло роль своего рода подготовительного отделения для столичных воспитательных домов. На постройку и оснащение всем необходимым Мария Федоровна выделила 21 тыс. рублей собственных средств [20, с. 36]. На первом году обучения мальчики осваивали письмо, чтение, арифметику, затем, обнаружив определённые успехи в учении, переводились во второй класс, где им преподавали помимо прочих предметов латынь. Через четыре года воспитанников переводили в Петербургский воспитательный дом. Обучение в нем приравнивалось к полному пятилетнему курсу гимназии и давало право поступления в высшие учебные заведения. 10–12 воспитанников ежегодно пользовались этим правом и обучались за счет государства, в основном, в Медико-хирургической академии. Некоторые воспитанники, проявив соответствующие способности, поступали в Академию художеств. В 1828 г. Санкт-Петербургский воспитательный дом содержал 27 воспитанников, обучающихся в высших учебных заведениях [20, с. 37]. Среди них были несомненно талантливые люди, например астроном Фролов, ученик профессора Струве. Часть воспитанников поступала в бухгалтерский класс Коммерческого училища и Садовую школу, расположенную в Гатчине (первоначально в Павловске). Мальчики, не проявившие особенных успехов в учении, не окончив

полного курса образования в воспитательном доме, определялись писцами и канцелярскими служащими, печатниками, наборщиками и ремесленниками. Большинство воспитанников низших сословий по достижении 18–19 лет посылались работать на Александровскую бумажную мануфактуру. Для выходцев из крестьян устроена была сельскохозяйственная колония в Смоленской губернии с 576 проживавшими там крестьянами. С 1821 г. в течение четырёх лет туда были направлены 364 питомца воспитательных домов [20, с. 42; 3, с. 13]. Воспитанники были записаны в сословие государственных крестьян. В 1828 г. Мария Федоровна устроила ещё одну колонию, купив в Саратовской губернии 23 тыс. десятин необработанной земли. На этих землях планировалось построить пять деревень по сто дворов в каждой и поселить в них 500 семей, сочетав браком взрослых питомцев воспитательных домов. Молодым супругам давалось полное приданое одеждой, бельем, домашней утварью и 45 рублей. Для помощи по хозяйству, а также с целью разгрузки воспитательных домов, в каждую молодую семью направлялись мальчик и девочка 10–12 лет. В сельскохозяйственной колонии каждую семью должен был ожидать новый дом с мебелью и сельскохозяйственным инвентарём, коровой, лошадью с повозкой; семенами для посева. До первой жатвы из управления ведомства Марии Федоровны они должны были получать необходимое продовольствие. В проекте, утвержденном вдовствующей императрицей, в течение первых шести лет молодая чета освобождалась от всех податей и повинностей, за исключением обработки общественного поля, урожай с которого образует сельский запасной магазин. Через шесть лет для них устанавливалась государственная подать по 7,5 рублей в год, и только через восемь лет их уравнивали с остальными казенными крестьянами, платившими подать 15 рублей в год. Помимо льгот, связанных с уплатой государственной подати, молодые поселенцы на 12 лет освобождались от подушного оклада и всех других казенных повинностей, а от рекрутского набора — на 40 лет [20, с. 46].

Главное управление сельскохозяйственных колоний находилось в селе Николаевском, где были сосредоточены церковь, лазарет с аптекой, врачом и повивальной бабкой, две школы (раздельные для мальчиков и девочек от 8 до 13 лет). Школьный курс включал программу начальной школы: чтение, письмо, начало арифметики и Закон Божий. В школах дети обучались ремеслам и рукоделию. В Николаевском была устроена ссудная касса для колонистов и магазин, где по дешевым ценам продавались необходимые в быту товары. Открытие питейных заведений в селах запрещалось. Можно утверждать, что подобный проект во многом предвосхитил реформу государственных крестьян графа П. Д. Киселёва и шел в одном русле с политикой Николая I по крестьянскому вопросу, собиравшего один за другим секретные комитеты по крестьянской проблеме. Однако полностью проект реализован не был. В 1834 г. были построены только две деревни. В них жили и работали 479 человек [20, с. 48]. Мария Федоровна на личные средства в 1797 г. учредила в Петербурге Институт повивального искусства на 20 коек. Профессию акушерки в нем приобретали воспитанницы воспитательного дома. Организацией Повивального института было положено начало регулярному женскому медицинскому образованию в России. С 1797 по 1834 г. свыше 1000 женщин получили здесь акушерскую помощь, 136 воспитанниц получили профессию повивальной бабки [20, с. 52–53]. Кроме того, многие горожанки бесплатно обучались в Повивальном

институте на правах вольнослушательниц. В 1801 г. Повивальный институт был открыт и при Московском воспитательном доме.

П. А. Демидов пожертвовал на его устройство 20 тыс. рублей. Первоначально практическому акушерству в Повивальном институте обучались 10 воспитанниц, но к 1826 г. их число возросло до 60. К этому периоду времени, за четверть века существования Института родовспоможению обучили 105 воспитанниц [20, с. 53–54]. Характерно, что обучение под контролем преподавателей Медико-хирургической академии давало высокую квалификацию повивальным бабкам; смертность в больницах при повивальных институтах была очень низкая: не более четырех женщин из 1000 в год [20, с. 53].

22 июля 1805 г. родовспомогательная деятельность Московского воспитательного дома расширилась: при нём было открыто ещё одно родильное отделение на 20 коек, получившее название Законно-родильного госпиталя, который предназначался для замужних женщин, по бедности не имеющих возможности получить квалифицированную акушерскую помощь [2, с. 25].

Большинство воспитанников воспитательных домов, достигнув 18 лет, направлялись на Александровскую бумажную мануфактуру, основанную аббатом Оссовским в 1798 г. на мызе Александровской, близ Петербурга, по левому берегу Невы. Оссовский получил на устройство мануфактуры ссуду от правительства в размере 80 тыс. рублей, но вскоре умер, а мануфактура пришла в упадок. В 1804 г. Мария Федоровна повелела построить на ней первую паровую машину. Она постоянно жертвовала крупные суммы денег на обустройство фабрики: в 1806 г. — 91 946 рублей, в 1808 г. — 13 600 рублей, 150 000 рублей на устройство машинной прядильни льна. В 1819 г. в Ссудной кассе Петербургского воспитательного дома был открыт кредит для фабрики в 1,5 млн рублей. Как отмечает современник событий Энгельгардт, «Заведение сие отнюдь не долженствовало быть финансовым, на барыше, основанном оборотом ... главная цель его состояла только в том, чтобы образовывать искусных мастеров и работников, и как учением, равно как и примером распространить в государстве новую важную ветвь промышленности» [20, с. 59]. Первоначально на производстве были заняты 900 взрослых бывших воспитанников и ещё 800 детей из Воспитательного дома. Мануфактура, ставшая фабрикой, ежегодно производила 22 тыс. пудов бумаги и около 40 тысяч пудов сырья для хлопчатобумажной промышленности, так называемой «бели». Александровская фабрика первой в России начала изготовление прядильных станков и машин на заказ. В письме от 9 декабря 1801 г. Мария Федоровна поясняет смысл этого начинания Н. И. Баранову, почетному опекуну Московского воспитательного дома: «Император, любезнейший мой сын, купив изготовленные уже на Александровской мануфактуре ... машины, предложил отослать их в Московский воспитательный дом, дабы показывать оные мануфактуристам и фабрикантам, в великом числе в Москве находящимся для того, чтобы они, видя пользу от сих машин, мало-помалу заводили оные на собственных своих фабриках, и чтобы цель Александровской мануфактуры: повсеместное в России распространение механического прядения, была выполнена» [12, с. 1450].

В 1814 г. при Александровской фабрике на средства воспитательного дома была построена фабрика по производству игральных карт, в которой

работали 250 бывших питомцев. Ежегодно из её цехов выходило 120 тыс. дюжин игральных карт, что приносило доход больше 1 млн 200 тыс. рублей. Половина средств шла в пользу Петербургского воспитательного дома [20, с. 59].

Мария Федоровна лично вникала во все вопросы быта и воспитания питомцев вверенных ей учреждений. У неё были маленькие записные книжечки, куда она записывала всё, что ей надо было сделать по заведениям; она регулярно отмечала, что и как было выполнено. Мария Федоровна постоянно посещала свои заведения, причем приезжала обычно тогда, когда её не ждали, присутствовала на уроках и экзаменах, обедала с воспитанницами [см.: 17, с. 157]. Во время своих посещений императрица зорко наблюдала за институтской жизнью, и если замечала какие-либо недостатки, то сразу отдавала распоряжения об их устранении. Её ближайшим помощником по управлению благотворительными учреждениями с 1801 г. был действительный тайный советник Г. И. Вилламов. Указом Павла I от 9 января 1801 г. он был назначен управляющим домами ведомства императрицы Марии Федоровны.

Интересны письма императрицы к почетному опекуну Московского воспитательного дома, сенатору Н. И. Баранову. Так, в письме от 8 марта 1801 г., после очередного посещения Московского воспитательного дома, проследив за процессом оспопрививания, Мария Федоровна писала Н. И. Баранову: «Вы немедленно по приезде Вашем не оставите сообщить моё повеление об отмене штемпеля для детей, наносящего им немалую боль, и об употреблении ланцета вместо оногo» [12, с. 1448]. В письме от 24 мая 1806 г. вдовствующая императрица выражает обеспокоенность скудным рационом питания воспитанниц Московского Екатерининского института. Отобедав с девочками, она так описывает свои впечатления: «...вообще весьма мало перемен, и в теперешнее время почти никакой зелени. Я никак не ожидаю отборного стола и не терплю даже излишества в приготовлениях, но без того можно переменять кушанья, как-то пример Мещанского училища и самого воспитательного дома доказывают. Сделайте мне удовольствие и постарайтесь без огласки исследовать причину сей разности. Я никого в том не виню и не воображаю, что сие произошло от перемены эконома ... но какая-нибудь должна быть тому причина: ибо штатное положение по примеру Мещанского училища и Воспитательного дома должно быть достаточно для содержания хорошего стола» [12, с. 1480–1481].

Московское присутствие Опекунского совета учреждений императрицы Марии, управлявшее Московским воспитательным домом и состоявшими при нём больницами, богадельнями и учебными заведениями, расширило свои владения в городе путём открытия в 1803 г. лечебницы, которая предназначалась для оказания бесплатной помощи «всякого состояния, пола и возраста и всякой нации бедным и неимущим людям, принимать их каждый день и во всякое время, оказывая одним помощь советом и лекарствами, других же класть на свои койки» [10, с. 5]. Вскоре в арендованном для больницы доме в Лефортово образовывались такие длинные очереди приходящих больных, что попечитель больницы был вынужден сообщить императрице о невозможности штаб-лекарю Опелю одному справляться с половиной нуждающихся в медицинской помощи людей: «...ибо он хотя и человек хороший, но один не в состоянии, а равно и два цирюльника без отягощения больных ожиданием, не успевают перевязывать ран и кровь

пушать» [10, с. 7]. В лечебницу были доставлены еще один цирюльник и аптекарский ученик. С целью расширения больницы в 1804 г. было решено построить новое здание на окраине Москвы, в Мещанской части. 1 июля 1806 г. новая больница на Божедомке, получившая после смерти Марии Федоровны, в 1828 г., название Мариинской, была открыта. Согласно уставу, кроме главной задачи — лечения бедных больных, на неё возлагались обязанности служить своего рода институтом усовершенствования врачей; «молодым врачам доставлять случаи под руководством испытанных медиков усовершенствоваться в своем звании» [10, с. 14]. До самой смерти Мария Федоровна содержала больницу на свои средства; все дела решались с её одобрения, а число коек возросло до 250. В 1821–1837 гг. в Мариинской больнице работал штаб-лекарь М. А. Достоевский; во флигеле больницы в 1821 г. родился великий писатель.

В систему благотворительных учреждений под покровительством императрицы Марии перешла и больница с богадельней, построенная в 1810 г. на средства графа Н. П. Шереметева в память своей жены, бывшей крепостной актрисы П. И. Жемчуговой-Ковалевой, так называемый Странноприимный дом. В апреле 1803 г. граф Н. П. Шереметев представил императору Александру I записку о назначении Странноприимного дома и о предоставлении 2,5 млн рублей на его строительство. Одновременно был разработан и Устав этого учреждения, детально раскрывающий структуру штатов и управление. Александр I начертал на документах: «Быть по сему», санкционировав строительство дома [цит. по: 11, с. 20]. Творческий талант архитекторов Дж. Кваренги, Е. С. Назарова придал дому особое величие. Для выполнения внутренней отделки здания были приглашены талантливые мастера — живописец Д. Скотти, скульпторы Г. Г. Замараев, Фонтини и другие. Странноприимный дом открыл свои двери для бедного люда (богадельня на 100 человек и больница на 50 коек) в 1810 г., когда его учредителя Н. П. Шереметева уже не было в живых (он скончался годом раньше). Хотя существование благотворительного учреждения было обеспечено соответствующим капиталом, для большей надежности, ввиду малолетства сына Дмитрия, дом был передан под управление Опекунского совета воспитательного дома под покровительством императрицы Марии. В завещательном письме сыну Николай Петрович пришел к выводу, что «нельзя быть добродетельным и благополучным без знания и исполнения законов Божеского и общественного» [6, с. 3]. Этот необыкновенный человек, сумевший преодолеть сословную ограниченность и жениться на своей крепостной, считал, что благие дела дают человеку счастье: «Какое неисчислимое удовольствие чувствует человек от произведения дел своих в пользу ближних! ... Я давно уже чувствовал тягостное состояние людей, лишенных в старости, в болезнях и нищете всякого пособия» [6, с. 10]. Подлинным подвижником милосердия можно назвать и главного смотрителя Странноприимного дома сенатора А. Ф. Малиновского, известного дипломата и писателя. Он вложил много кропотливого труда в обоснование назначения Странноприимного дома, в разработку его устава, строительство и деятельность. Именно ему принадлежит разработка принципа бесплатности содержания бедных людей в доме. Врачи, служившие в больнице дома профессор Я. В. Кир, А. Т. Тарасенков и другие, помимо высокого

профессионализма обладали человеческими качествами, позволявшими преодолеть казённую рутину препятствий для помощи бедным и неимущим.

22 июня 1803 г., в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, состоялось торжественное открытие Голицынской больницы на 50 человек, построенной по завещанию и на средства князя Д. М. Голицына, посла России в Вене. Она также предназначалась для оказания бесплатной помощи бедным людям. Согласно завещанию Д. М. Голицына её директорами могли быть только представители рода Голицыных по прямой линии. В связи с этим все Голицыны по линии Дмитрия Михайловича смотрели на содержание больницы как свой долг и вкладывали большие суммы на её обустройство и расширение. В 1816 г. больница организационно была передана под покровительство Марии Федоровны [2, с. 10].

Мария Федоровна постоянно расширяла контингент неимущих и нетрудоспособных, нуждающихся в помощи её ведомства. В 1803 г. по её инициативе были открыты два приюта, так называемые вдовьи дома, в Петербурге и Москве для бедных вдов чиновников до 8 класса, достигших 60 лет и оставшихся без средств к существованию после смерти мужей, бывших на воинской или гражданской службе не менее 10 лет. Впоследствии в них принимались также одинокие женщины, прослужившие в учреждениях, руководимых императрицей, не менее 15 лет и удостоенные за беспорочную службу Мариинского знака отличия. Для поступления в эти заведения необходимо было представить свидетельство о бедности и хорошем поведении: в столице от обер-полицмейстера, в уездах — от исправника. На содержание домов выделялось по 4,5 тыс. рублей ежегодно из средств царской семьи (из расчета по 350 руб. на человека, не считая комнаты и отопления) [20, с. 65]. Уже через год, в 1804 г. благодаря многочисленным прошениям, вдовы чиновников до 4-го класса Табели о рангах также могли поступать во вдовьи дома. К 1 января 1829 г. в Петербургском вдовьем доме находились 161 человек на казенном содержании и 24 — на частном, вносимом родственниками по 350 рублей в год; в Московском — соответственно 104 и 6. Помимо того, из касс вдовьих домов ежегодно выдавалось по 100 рублей 400 вдовам чиновников в Петербурге и 510 в Москве [20, с. 66].

В начале 1814 г. в Москве вдовы из старого и ветхого дома, расположенного на углу Лефортовской улицы у реки Синички, были переведены во вновь отстроенное здание на Кудринской площади (ныне ул. Восстания). В 1820 г. архитектор Д. И. Жилярди перестраивает Вдовый дом в стиле позднего классицизма, расширяет его и меняет фасад здания.

Желающих попасть во Вдовый дом было очень много, поскольку в нем давался не только приют и полный пансион для женщин, но и их дети, содержащиеся при матерях, затем имели право на льготное зачисление в учебные заведения. Просительницы вносились в списки, но очереди приходилось ждать по несколько лет. Часто дети успевали вырасти и по возрасту теряли права на зачисление во Вдовый дом, и соответственно лишались привилегий для поступления в учебные заведения. В 1859 г. положение матерей, потерявших мужа-чиновника, было облегчено тем, что указом Николая I было предписано при зачислении во Вдовый дом отдавать предпочтение вдовам, имеющим детей [3, с. 67].

Мария Федоровна была инициатором создания при вдовьих домах так называемого отделения сердобольных вдов, своего рода сестер милосердия. В 1818 г. императрица повелела управляющему Московским воспитательным домом А. П. Нечаеву отобрать из Московского вдовьего дома 12 женщин, добровольно желающих посвятить себя человеколюбивому занятию — уходу за больными и имеющими соответствующие нравственные качества. В Мариинской больнице для бедных они дежурили сменяя друг друга непрерывно по две недели в месяц. Сердобольным вдовам выдавалось жалование — по 5 рублей за двухнедельное дежурство. В 1819 г. был издан рескрипт, узаконивший Институт сердобольных вдов.

12 декабря каждого года происходило посвящение в звание сердобольных вдов с выдачей соответствующего свидетельства. Обряд посвящения и принятия присяги был отработан Марией Федоровной. До этого вдовы проходили испытательный срок: работали сиделками в больницах для бедных.

При Мариинской больнице была учреждена специальная контора, через которую можно было вызвать обученную сиделку на дом, причем с бедных семей плата не взималась. В Москве в первой четверти XIX в. при больницах работало 34 сердобольных вдовы, в Петербурге — 29 [20, с. 68]. Прослужившие в звании 10 лет имели право на пенсию в 150 рублей в год, прослужившие 25 лет получали пенсию в 300 рублей в год. Можно утверждать, что введением института сердобольных вдов было положено начало специальной подготовке медицинских работников среднего и низшего звена. Главный врач Мариинской больницы Христофор фон Оппель в 1822 г. опубликовал специальный учебник «Руководство и Правила, как ходить за больными, для пользы каждого, сим делом занимающегося, а тем паче для сердобольных вдов, званию сему особенно себя посвятивших». Помимо методики выполнения основных медицинских процедур в нем говорится о том, какими физическими и нравственными качествами должны обладать люди, посвятившие себя уходу за больными. Книга актуальна и сегодня, но к сожалению, стала библиографической редкостью. 16 сердобольных вдов-волонтерок приняли участие в Крымской войне 1854–1856 гг. под руководством Н. И. Пирогова и вели себя героически, выполняя тяжелую, часто физически грязную работу в самых экстремальных условиях.

Таким образом, за 32 года Мария Федоровна создала целую систему благотворительных учреждений в России, явившуюся основой IV отделения собственной его императорского величества канцелярии, созданного в 1828 г., позднее (1854 г.) реорганизованного в Ведомство учреждений императрицы Марии. Результаты просветительно-благотворительной деятельности императрицы были весьма велики. Приняв, при вступлении на престол (1796 г.), под свое руководство всего 4 учреждения (Воспитательное общество благородных девиц с Мещанским училищем и Петербургским и Московским воспитательными домами), Мария Федоровна к 1828 г. во много раз не только увеличила их число, но и существенно изменила статус благотворительных учреждений, расширив количество категорий призреваемых. Дело, в которое она вложила часть своей души, не было забыто её потомками. «Императрица Мария Федоровна в продолжении благодатной своей жизни без сомнения сделала для человечества более, нежели все в Европе человеколюбивые сословия, коих начало, учреждения и действия столь часто и подробно

описаны; но кроткая скромность сей, удивления достойной жены никогда не позволяла сделать главными благае её деяния, и так многое осталось безызвестным, или дошло до общего сведения в весьма несовершенном только виде», — считал один из первых биографов Марии Федоровны, Энгельгардт [18, с. 16]. Поэт В. А. Жуковский оставил трогательную эпитафию на смерть императрицы:

«Благодарим! Благодарим!

Тебя за жизнь твою меж нами».

Однако ярче всего о личности и деятельности Марии Федоровны говорит её завещание, в котором императрица излагает свое жизненное кредо: «Благодарю всех господ, которые находились под моим начальством как в Петербурге, так и в Москве за оказанные ими усердие и ревность... Я часто повторяла, что мы должны исполнять наши обязанности ... соединяя все наши старания к сохранению детей, к возбуждению чувств материнских, к поданию помощи и вдове и сироте, облегчению страждущей нищеты, только тогда мы будем оказывать истинную любовь к ближнему... только тогда мы постигнем истинный смысл правил, на коих сие заведение основано — Дом основан на благодеянии — тогда никакой труд не будет для нас обременителен» [там же].

К концу 1828 г. в систему благотворительных заведений, созданных Марией Федоровной, входили 43 учреждения: Московский, Петербургский и Гатчинский (1802) воспитательные дома; два дома призрения для престарелых и увечных — в Петербурге (1813) и в Москве (1827); две Мариинские больницы для бедных (1803), Московский и Петербургский вдовьи дома (1803); Воспитательное общество благородных девиц (1796); Мариинский институт (1797); Екатерининские институты в Петербурге и в Москве (1802); Александровский институт в Москве (1805); три училища для солдатских дочерей полков Лейб-гвардии — в Петербурге (1820), в Москве (1827) и в Севастополе (1827); Павловская (1801) и Голицынская (1816) больницы в Москве; Странноприимный дом графа Шереметева (1808); Инвалидный дом в Севастополе (1821); Странноприимный дом в Таганроге; Павловский институт для детей, сирот военных (1807); Харьковский институт для девушек (1814); училище для глухонемых детей в Павловске (1806), переведенное 1810 г. в Петербург; Павловский институт в Петербурге (1801) и другие [18, с. 13–15; 20, с. 104].

Мария Федоровна, уловив тенденцию времени — сословную благотворительность почти исключительно дворянства, сумела привлечь своим примером к большим денежным пожертвованиям и основанию новых учреждений членов императорской фамилии, семью князей Голицыных, графа Н. П. Шереметева. В систему благотворительных учреждений под покровительством императрицы Марии входили благотворительные заведения, имевшие различные источники поступления денежных средств и отличающиеся принципами управления:

— учреждения, основанные и содержащиеся на личные средства лиц императорской фамилии и частных лиц. Они, как правило, управлялись учредителями и их потомками;

— учреждения государственного призрения, содержащиеся, в основном, за счет государственных средств. В них присутствовал коллегиальный принцип управления;

— учреждения, основанные на средства группы жертвователей, то есть носящих уже собственно общественный характер.

Благотворительные учреждения имели различные названия, часто являлись многофункциональными. Основными направлениями их работы в этот период являлись:

— финансирование и функционирование домов призрения, богаделен, вдовьих домов и приютов;

— развитие системы образования: женского, среднего специального, медицинского и др.;

— создание и содержание медицинских учреждений (больниц различного профиля, амбулаторий для приходящих больных, родильных домов).

Библиографический список

1. Вестник Европы. Спб., 1867. Т. 1 (март). С. 316–322.
2. *Вилламов Г. А.* Хронологические начертания деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Федоровны в пользу состоявших под высочайшим её покровительством заведений. Спб., 1856.
3. *Власов П. В.* Обитель милосердия. М., 1991.
4. *Голицын Ф. Н.* Записки: Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996.
5. *Головина В. Н.* Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996.
6. Завещательное письмо графа Николая Петровича Шереметева сыну Дмитрию Николаевичу. М., 1896.
7. Из записок М. С. Мухановой // Русский архив. М., 1878. Кн. 1.
8. *Кобеко Д. В.* Цесаревич Павел Петрович. 3-е изд. Спб., 1887.
9. Мемуары князя Адама Чарторыйского. Т. 1. М., 1912.
10. Московская Мариинская больница для бедных: Историческая записка. М., 1880.
11. *Нувахов Б. Ш.* История милосердия и благотворительности в отечественной медицине XVIII–XX вв.: Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1993.
12. Письма императрицы Марии Федоровны к Н.И. Баранову // Русский архив. М., 1857. № 8.
13. Письма Павла Петровича Екатерине Второй // Сборник Русского исторического общества. Т. 27. Спб., 1880.
14. Русская старина. Спб., 1828. Т. 93 (№ 2).
15. *Сахаров А. Н.* Александр I: (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1994.
16. Сборник русского исторического общества. Т. 15. Спб., 1875.
17. *Черкинская Н. В.* Императрица Мария Федоровна и её просветительно-благотворительная деятельность // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. М.; Ставрополь, 1998.
18. *Шумигорский Е. С.* Ведомство учреждений императрицы Марии: Исторический очерк (1797–1897). Спб., 1897.
19. *Шумигорский Е. С.* Императрица Мария Федоровна. Спб., 1828.
20. *Энгельгардт Л. Н.* Императрица Мария Федоровна в богоугодных её заведениях. Спб., 1839.